

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 32

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

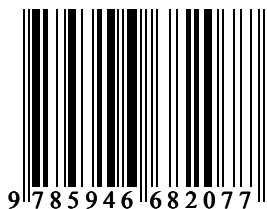
Санкт-Петербург
«Росток»
2016

УДК 821.161.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
В81

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Н. Г. Охотин

Рецензенты:
Е. Н. Григорьева, В. А. Мильчина

ISBN 978-5-94668-207-7

© Авторы статей, 2016
© Пушкинская комиссия РАН, 2016

ОЛЕГ ПРОСКУРИН

ИЗ НАСЛЕДИЯ ВИНОКУРА-ПУШКИНИСТА

Без работ выдающегося филолога Григория Осиповича Винокура (1896—1947) невозможно представить себе историю пушкинистики. Его наследие и сейчас живо и актуально: так, комментарий к 7-му тому новейшего Полного собрания сочинений Пушкина в значительной степени построен на «диалоге» с работами Винокура 1930-х гг.¹

В 1942 г. Винокур защитил в качестве докторской диссертации монографию «Очерки текстологии и языка Пушкина», подводящую итоги его пушкиноведческих штудий 30-х — начала 40-х гг. В этом *филологическом* (на таком определении настаивал сам автор) исследовании оказались блистательно соединены компетенции Винокура как текстолога, лингвиста, стиховеда и историка литературы. В архиве Винокура сохранилось содержание книги:

Предисловие.

1. Текст и история создания «Бахчисарайского фонтана».
2. Текст и история создания «Цыганов». (С прибавлением статьи «Монолог Алеко»).
3. Текст и история создания «Бориса Годунова». (С прибавлением статьи «Кто был цензором «Бориса Годунова»).
4. Язык «Бориса Годунова».
5. Слово и стих в «Евгении Онегине».
6. Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина.

Приложения.

Транскрипции рукописей «Бахчисарайского фонтана», «Цыганов», «Бориса Годунова» и их текстологические принципы.²

¹ См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2009. Т. 7, по указателю.

² РГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, № 64.

Осуществленные Винокуром транскрипции рукописей легли в основание критических изданий двух поэм и «Бориса Годунова» в большом академическом (юбилейном) Полном собрании сочинений Пушкина, а почти все разделы диссертации были напечатаны при жизни Винокура в виде статей и комментариев. После кончины исследователя большинство из них не раз переиздавалось вплоть до конца XX века.³ На этом фоне бросается в глаза одна заметная лакуна: разделы, посвященные тексту и истории создания «Бахчисарайского фонтана» и «Цыганов», до нас не дошли. Как известно, в 1930-х гг. Винокур принял самое активное участие в подготовке собраний сочинений Пушкина — сначала для издательства «Academia», а потом для академического Полного собрания сочинений. Для последнего Винокур подготовил текст «Бориса Годунова» и двух южных поэм. Его обширный комментарий к «Борису Годунову» вошел в «пробный» седьмой том академического Полного собрания сочинений (1935). Том этот по разным причинам не удовлетворил высшие партийно-государственные инстанции, в результате чего вся концепция Полного собрания сочинений была радикально пересмотрена: издание стало выходить вовсе без комментариев, лишь с небольшими текстологическими справками. Пробный том остался в своем роде уникальным и превратился в библиографическую редкость.

Вполне завершенные комментарии Винокура к подготовленным им поэмам остались неопубликованными. В сопроводительной статье к недавнему сборнику пушкиноведческих работ Винокура Р. М. Цейтлин упоминает «шесть авторских листов комментария к “Бахчисарайскому фонтану” и три листа комментария к “Цыганам”». ⁴ Где сейчас эти комментарии — неизвестно. В архиве Винокура в РГАЛИ сохранились только транскрипции черновиков обеих поэм, подготовительные выписки из разных источников (например, из поэм Боброва), разрозненные фрагменты текстологической части комментария к «Бахчисарайскому фонтану» (причем, судя по ряду признаков, относящиеся к разным стадиям работы) и букваль-

³ См., например, сборники трудов Винокура: Избранные работы по русскому языку (М., 1959); Филологические исследования (М., 1990; в этом издании самостоятельный интерес представляют содержательные комментарии М. И. Шапира); О языке художественной литературы (М., 1991); Собрание трудов: Статьи о Пушкине (М., 1999); Собрание трудов: Комментарии к «Борису Годунову» А. С. Пушкина (М., 1999) и др. Некоторые из этих сборников ныне доступны в электронном формате. См.: <http://danefae.org/lib/vinokur/#3>

⁴ Цейтлин Р. М. Г. О. Винокур — пушкинист // Винокур Г. О. Собрание трудов: Статьи о Пушкине. С. 240.

но клочки комментария к «Цыганам». На одной из сохранившихся машинописных страниц с фрагментом историко-литературного комментария к «Бахчисарайскому фонтану» проставлен порядковый номер 97; это дает некоторое представление об объеме утраченного труда.

О структуре комментариев можно судить по сохранившемуся в бумагах Винокура плану доклада о работе над комментарием к «Бахчисарайскому фонтану» (доклад сделан на заседании Пушкинской комиссии в Ленинграде 14 марта 1936 г.).⁵ Некоторые идеи, впервые изложенные в этих комментариях, нашли отражение в переписке Винокура с другим выдающимся пушкинистом — Б. В. Томашевским (эта переписка охватывает промежуток с конца 1920-х гг. до 1946 г. и представляет значительный культурно-исторический интерес). Так, 30 декабря 1940 г. Винокур в ответ на несохранившееся письмо Томашевского (в котором тот, судя по всему, делился с корреспондентом своими соображениями об истории текста «Бахчисарайского фонтана») писал:

Дорогой Борис Викторович,

отвечаю Вам немедленно. На этот раз Ваши указания на связь «Б<ахчисарайского> Ф<онтана>» с «Аб<идосской> невестой» в точности повторяют то, что мною уже написано было несколько лет назад в комментариях к «Б. Ф.», и я очень рад, что мои предположения так хорошо подтверждаются самостоятельными наблюдениями другого. Цитирую по своей рукописи: «К апрелю 1821 г. относится черновик стихотворения “Кто видел край...”. По сопоставлению с началом “Аб<идосской> н<евесты>” Байрона, к<ото>рым навеяны эти стихи (см. об этом ниже), можно высказать предположение, что они были задуманы Пушкиным как лирическое вступление к этой новой поэме. Впоследствии тема этого стихотворения повторена в заключительных стихах Б. Ф.». Как видите, я не связывал лишь формы октав с Жуковским, п<отому> ч<то> не знал этого и не думал об этом, а остальное почти все в точности совпадает. Несколько слов об этом было уже напечатано мной, если не ошибаюсь (не могу сейчас отыскать книжки), в Красной Нови 1936, № 3: «Крымская поэма Пушкина». Далее, я высказываю предположение, что этот замысел сменился замыслом иного лирическ<ого> вступления, тоже 5-стопн<ым> ямбом, т. е. «Там некогда, мечтаньем упоенный», к<ото>рый я датировал маем — июнем 1821 г. Вы совершенно правы и в том отношении,

⁵ РГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, ед. хр. 57, л. 21.

что октавы писаны сейчас же после «Пленника». «Ниже», т. е. в отделе лит<ературных> параллелей, я привожу байроновские тексты и т. д. Вообще, хорошо было бы, если бы Вы прочли мой комментарий. Там сделано многое наспех и без необходимых сведений по западной литературе, так что Вы многое могли бы подправить — хотя черт его знает, когда все это пойдет в печать, и пойдет ли вообще когда-н<ибудь>!⁶

Томашевскому, по-видимому, так и не довелось прочесть винокуровский комментарий к «Бахчисарайскому фонтану» целиком, но сведения, сообщенные ему в письме Винокура, он не только принял во внимание, но даже обнародовал. Указав в своей знаменитой монографии о Пушкине на то, что стихотворение «Кто видел край, где роскошью природы...» «написано октавами по образцу октав Жуковского, предпосланных “Двенадцати спящим девам” (перевод посвящения “Фауста”）」,⁷ Томашевский продолжал: «Высказывалось предположение, что оно предназначалось в качестве введения к крымской поэме (т. е. вероятно, к “Бахчисарайскому фонтану”, первая мысль о котором относится приблизительно к тому же времени)». И далее: «Догадка эта основывается на аналогии со вступительными стихами Байрона к “Абидосской невесте”, оказавшей несомненное воздействие на создание “Бахчисарайского фонтана”». ⁸ Как нетрудно заметить, упомянутое «предположение» — не что иное, как выводы Г. О. Винокура, с которыми тот эпистолярно познакомил Томашевского.⁹

В своем пессимистическом сомнении («черт его знает, когда все это пойдет в печать, и пойдет ли вообще когда-н<ибудь>!») Винокур оказался прав: его комментарии к южным поэмам света так и не увидели. Только очень небольшая часть результатов работы над «Бахчисарайским фонтаном» и «Цыганами» нашла отражение в пе-

⁶ РГБ, ф. 645, карт. 35, № 77, л. 6—6 об.

⁷ Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1: (1813—1824). С. 489. Это, видимо, то именно наблюдение, которым Томашевский поделился в не дошедшем до нас письме к Винокуру и о котором Винокур говорит в своем ответе («я не связывал лишь формы октав с Жуковским, п<отому> ч<то> не знал этого»).

⁸ Там же. С. 491 и примеч.

⁹ Сейчас трудно сказать, почему Томашевский, излагая мнение Винокура, не упомянул его имени. Во всяком случае, следует принять во внимание, что упоминание комментариев, снятых из академического издания по распоряжению властей, было практически табуировано в советской печати вплоть до появления статьи С. М. Бонди «Об академическом издании сочинений Пушкина» (Вопросы литературы. 1963. № 2. С. 123—131); ленинградские же издательства с 1946 г. отличались повышенной осторожностью даже по сравнению с московскими.

части, причем — парадоксальным образом — не в специальной, а в так называемой «массовой». В канун пушкинского юбилея литературно-художественные и литературно-критические журналы охотно публиковали статьи о Пушкине. Благодаря этому в популярных журналах смогли увидеть свет две исследовательские статьи Винокура: в журнале «Красная новь» — статья «Крымская поэма Пушкина» (с очень важными, хотя и конспективно изложенными, текстологическими наблюдениями);¹⁰ в «Литературном критике» — статья «Монолог Алеко» (реконструкция важного фрагмента, не вошедшего в основной текст «Цыганов»; в этой статье давалось и краткое изложение истории текста поэмы, вынужденно ужатое до минимума в текстологических примечаниях к IV тому Полного собрания сочинений Пушкина).¹¹ Но эти статьи — именно потому, что были напечатаны в массовых журналах, к которым редко кто обращается спустя годы после их выхода, — оказались на периферии внимания исследователей.¹²

Ущерб, нанесенный утратой комментариев Винокура к южным поэмам, очень значителен: даже по журнальным публикациям и по немногочисленным уцелевшим фрагментам видно, что они могли бы далеко продвинуть изучение истории текста поэм и существенно стимулировать изучение их поэтики.¹³

¹⁰ Винокур Г. О. Крымская поэма Пушкина // Красная новь. 1936. № 3. С. 230—243. В новейший сборник работ Винокура о Пушкине эта статья почему-то не вошла; составители предпочли ей менее содержательную и более «популярную» статью о пушкинской поэме (Винокур Г. О. «Бахчисарайский фонтан» // Литературное обозрение. 1937. № 1. С. 54—60), при этом контаминировав ее (!) с фрагментами статьи Винокура из брошюры, выпущенной к постановке балета Ю. Асафьева «Бахчисарайский фонтан» (Винокур Г. О. Крымская поэма Пушкина // Бахчисарайский фонтан: Сб. статей. Л., 1937. С. 3—16). См.: Винокур Г. О. Собрание трудов: Статьи о Пушкине. С. 43—59 (вставка из брошюры — с. 46—48).

¹¹ Винокур Г. Монолог Алеко // Литературный критик. 1937. № 1. С. 217—231.

¹² Так, например, в статье «Крымская поэма Пушкина» Винокур указал на отражение в пушкинском послании Чаадаеву «таврической» поэмы С. Боброва (он повторит это указание — с другими целями — в одной из печатаемых ниже заметок). Наблюдение Винокура — конечно, независимо от него — через полвека повторил С. А. Фомичев (см.: Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986. С. 83). Новейшие исследователи будут ссылаться уже на Фомичева, а не на Винокура (см., например: Лусый А. П. Пушкин. Таврида. Киммерия. М., 2000. С. 86—87).

¹³ Ряд извлечений из сохранившегося текста комментариев Винокура воспроизведен в примечаниях к репринтному изданию «Поэм и повестей» Пушкина 1835 г.: Пушкин А. С. Соч. / Коммент. изд. под ред. Д. М. Бетеа. М., 2007. Вып. 1: Поэмы и повести. Ч. 1. С. 255, 257, 258, 259, 262, 288, 354.

Тем больший интерес представляют три небольшие заметки под общим заголовком «Из комментариев к Пушкину», сохранившиеся в фонде Винокура в РГАЛИ (ф. 2164, оп. 1, ед. хр. 52, л. 37–45). Это второй экземпляр машинописи, с небольшими рукописными исправлениями и вставками на полях. На верхнем поле первой страницы — карандашная помета рукой Винокура: «В исправленной редакции послано в Сборник в честь Белецкого». Сборник этот, вероятно приуроченный к наступившему 60-летию или к приближавшемуся 65-летию А. И. Белецкого (род. 21 октября / 2 ноября 1884 г.), однако так и не был опубликован — видимо, из-за начавшейся борьбы с космополитизмом, стремительно превратившей юбиляра в персону non grata.¹⁴

Две вошедшие в цикл заметки непосредственно выросли из комментаторской работы Винокура над «Бахчисарайским фонтаном» (и его, так сказать, «литературным конвоем»). В первой из них — «Храм Дианы» — запечатлено несколько важных литературоведческих открытий. По иронии истории, все эти открытия на протяжении многих десятилетий связывались не с именем Г. О. Винокура, а с фигурами других пушкинистов.

Содержание заметки — обоснование датировки третьего послания Пушкина Чаадаеву («К чему холодные сомненья?..»), включавшегося в «Отрывок из письма к Д.», которым сопровождалась прижизненные издания «Бахчисарайского фонтана». Объясняя «противоречие между датировкой стихотворения по черновику и собственной датировкой Пушкина», смущавшее исследователей и заставлявшее их прибегать к малоубедительным домыслам, Винокур впервые вышел за пределы созданного самим Пушкиным «биографического мифа» и показал, что авторская датировка послания 1820-м годом (как и авторская помета «С морского берега Тавриды») являет собою сознательную мистификацию. Исследователь установил бесспорную внутреннюю связь пушкинского произведения с «Путешествием по Тавриде» (1823) И. М. Муравьева-Апостола, что позволило ему датировать послание Чаадаеву концом 1824 г.¹⁵

¹⁴ В 1947 г. А. И. Белецкий подвергся разгромной критике за преклонение перед Западом и приверженность порочным идеям А. Н. Веселовского. См.: Дружинин П. А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. М., 2012. Т. 1. С. 568, 582, 583.

¹⁵ Нами было высказано предположение, что действительным стимулом для начала работы над посланием к Чаадаеву послужило знакомство Пушкина не с книгой Муравьева-Апостола, а с рецензией на нее в «Северном архиве» (1824. № 9, май). См.: Пушкин А. С. Соч. / Коммент. изд. под ред. Д. М. Бетеа. Вып. 1. С. 359–362. Следует, однако, заметить, что наши соображения не опровергают выводов Винокура, а отправляются от них.

Эта датировка была принята в академическом Полном собрании сочинений; с тех пор стихотворение датируется 1824 г. во всех без исключения изданиях Пушкина. Но поскольку комментарий с обоснованием этой даты так и не был опубликован, пионерская роль Винокура оказалась забыта, а место первооткрывателя занял другой крупный пушкинист: девять лет спустя после смерти Винокура аргументацию в пользу датировки послания 1824 г. изложил в своей монографии Б. В. Томашевский. Как и Винокур, он положил в основу аргументации связь пушкинского послания с книгой Муравьева-Апостола и обобщил свои соображения выводом: «Эпизод на развалинах храма Дианы подсказан чтением “Путешествия по Тавриде”».¹⁶

Именно книга Томашевского стала в глазах последующих поколений пушкинистов отправным пунктом для датировки третьего послания к Чаадаеву (и даже для активизировавшихся в последнее время попыток оспорить эту датировку¹⁷). Разумеется, Б. В. Томашевский пришел к заключениям, сходным с выводами Винокура, вполне самостоятельно (в противном случае он, конечно, не стал бы выстраивать разветвленную систему аргументов почти на трех страницах, а ограничился бы упоминанием высказанного другими «предположения»). Горький драматизм ситуации от этого становится только острее: выдающийся пушкинист повторил открытие другого выдающегося пушкиниста (и *поневоле* присвоил принадлежащий другому приоритет) только потому, что по прихотливой воле властей результаты научной работы не могли быть своевременно опубликованы!..

В той же заметке Винокур показал, что так называемый «Отрывок из письма к Д.» — это не частное письмо в собственном смысле слова, а литературное произведение, особого рода художественный «травелог», облеченный в эпистолярную форму. Этот вывод (сейчас кажущийся само собой разумеющимся) был для своего времени нов и неожидан. И сделать его должен был именно Г. О. Ви-

¹⁶ Томашевский Б. Пушкин. Кн. 1. С. 499–501; см. также: Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824—1837). С. 48–49.

¹⁷ См., например: «Вслед за Б. В. Томашевским все исследователи и комментаторы полагают, что под “холодными сомненьями” подразумевается “мнение И. М. Муравьева-Апостола о том, что храм Дианы находился не у Георгиевского монастыря”, изложенное в его книге “Путешествие по Тавриде”...» (Казарин В. П., Андрейко Е. В., Шавшин В. Г. «К чему холодные сомненья?»: К вопросу о пребывании А. С. Пушкина в Георгиевском монастыре на мысе Фиолент // Крымский архив. 1999. № 5. С. 31).

нокур. Еще в 1920-х гг. он отметил связь между пушкинской прозой и некоторыми пушкинскими письмами. Он указал, в частности, что уже «первое письмо Пушкина с юга, адресованное брату Льву <...> объективно обращено не к одному только брату и читается нами как описательная повесть, как образчик особого литературного жанра — *путешествие*». И далее продолжил: «Известное письмо к Дельвигу, напечатанное в приложении к третьему изданию “Бахчисарайского фонтана” (1830), примыкая к тому же жанру путешествия, отличается вместе с тем уже некоторыми чисто-новеллистическими чертами...». ¹⁸ Изучение рукописи «Отрывка из письма к Д.» только укрепило Винокура в сложившемся мнении и позволило ввести «письмо» в состав пушкинских литературных произведений не только на теоретическом, но и на практическом уровне — в томе пушкинской прозы. ¹⁹

Однако честь открытия специфически *литературного* характера «Отрывка из письма к Д.» обычно не связывается с именем Винокура. Чаще всего приоритет в установлении особой жанровой природы «Отрывка...» приписывается Д. Д. Благому, редактировавшему текст для 8-го, а затем и для 13-го (эпистолярного) тома Полного собрания сочинений Пушкина и ни словом не упомянувшему о том, чьими наблюдениями он, собственно, воспользовался. ²⁰ Г. О. Винокуру пришлось специально отметить: «Изложенные соображения, явившиеся результатом занятий историей текста “Бахчисарайского фонтана”, были признаны достаточно вескими редакцией нового академического юбилейного собрания сочинений Пушкина, что и отразилось в композиции VIII т. означенного издания...». Компетентный читатель может вполне оценить ироническую язвительность этого пояснения, облеченную в безукоризненно корректную, внешне почти комплиментарную форму: силою вещей

¹⁸ Винокур Г. Культура языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1929. С. 300, 301.

¹⁹ Есть, впрочем, основания усомниться в том, что адресатом «Письма к Д.» был именно Дельвиг. Но эти сомнения не отменяют, а скорее подкрепляют центральный тезис Винокура о «литературности» пушкинского текста.

²⁰ См., например: «Д. Д. Благой в комментариях к этому письму справедливо отметил, что оно является “чисто литературным произведением, написанным с заведомой целью отправить его в печать”» (Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 255); «...оно является, как отметил Д. Д. Благой в комментарии к тому же пушкинскому XIII тому, “чисто литературным произведением, написанным с заведомой целью отправить его в печать”» (Кошелев В. А. О жизни и сочинениях И. М. Муравьева-Апостола // Муравьев-Апостол И. М. Письма из Москвы в Нижний Новгород / Изд. подгот. В. А. Кошелев. СПб., 2002. С. 220).

Д. Д. Благой то и дело оказывался бенефициаром начальственных акций, от которых страдали другие исследователи.²¹

В известном смысле нынешняя публикация старой заметки призвана служить не только восполнению историографических лакун, но и восстановлению исторической справедливости.

* * *

Вторая заметка («Берега Салгира»), также восходящая к работе над комментарием к «Бахчисарайскому фонтану»,²² являет собой блестящий образец *филологической* критики, ее продуктивности для решения специальных комментаторских задач.²³ Предшественники Винокура (А. Л. Бертье-Делагард, Б. Л. Недзельский), разъясняя смысл образа «брега Салгира» в поэтических текстах Пушкина (в «Бахчисарайском фонтане» и в «Евгении Онегине»), действовали как историки-краеведы: они предполагали, что, поскольку Салгир протекает не через Бахчисарай, а через Симферополь, Пушкин либо ошибся, либо использовал ошибочное название, прилагавшееся населением Крыма чуть ли не ко всем крымским рекам.²⁴ Сходные объяснения продолжали появляться и во второй половине XX в.: В. В. Набоков, в общем присоединяясь к объяснению Недзельского («словом “Салгир” татары называли любую реку в Крыму»), при этом замечал, щеголяя причастностью к пушкинским маршрутам и лучшим, чем у Пушкина, знанием крымской географии: «Возможно, однако, что Пушкин перепутал Чурюк с настоящим Салгиром — рекой в другой, восточной части Крыма, которая начинается

²¹ Ср. письмо Ю. Г. Оксмана к М. К. Азадовскому от 11 февраля 1952 г.: «Самое пикантное, что Благой, кот<ором>у редакция любезно предоставила рукописи всех моих статей, успел включить в свое предисловие к публикации “Пушкин в неиздан<ной> переписке современников” все то, что из моих статей было затем изъято» (Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. 1944–1954 / Изд. подгот. К. М. Азадовский. М., 1998. С. 250).

²² Подпункт «Салгир» особо выделен (подчеркнут) в плане выступления Винокура на Пушкинской комиссии в Ленинграде (14 марта 1936 г.) с отчетом о работе над комментарием к «Бахчисарайскому фонтану» (см.: РГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, ед. хр. 57, л. 21).

²³ Извлечение из этой заметки воспроизведено в нашем комментарии к «Бахчисарайскому фонтану» в изд.: *Пушкин А. С. Соч. / Коммент. изд. под ред. Д. М. Бетеа. Вып. 1. С. 348–349.*

²⁴ Следует заметить, что эта практика оказалась чрезвычайно устойчивой: пишущий эти строки помнит, что еще в 1970-х гг. жители Гурзуфа упорно называли протекающую через поселок реку Авунду «Салгиром».

вблизи Аяна и течет на север, к Симферополю».²⁵ Совсем недавно М. В. Строганов предложил еще одно объяснение формулировки «берега Салгира». В словарной заметке «Бахчисарай», помещенной в «Материалах к Пушкинской энциклопедии» под его редакцией, по этому поводу говорится: «Бахчисарай стоит на реке Чюрюк-су (буквально 'гнилая вода'), а Салгир протекает через Симферополь <...>. Сурук-су названа она и у Муравьева-Апостола <...>. Но ни Сурук-су, ни Чюрюк-су, ни тем более перевод этого названия на русский язык не ложился в стих, и П<ушкин> написал Салгир».²⁶ Там же (в статье «Берег, брег») повторено: «берега Салгира» — «это (хотя и ошибочно, см. *Бахчисарай*) метонимия Бахчисарая».²⁷

Подобные объяснения нельзя, однако, признать удовлетворительными: с Бахчисараем можно связать разве что «пленниц берегов Салгира»; в стихотворении «Кто видел край, где роскошью природы...» (1821) и в LVII строфе Первой главы «Евгения Онегина» определенно говорится не о Бахчисарае, а о Крыме вообще, прежде всего о его южном («полуденном») берегу. О рискованности же объяснять выбор Пушкиным «неожиданного» слова просодическими соображениями нам уже доводилось писать.²⁸

Подкупающее ясностью и простотой объяснение Винокура оказывается вместе с тем куда убедительнее, чем все краеведческие экзерсисы: исследователь взглянул на проблему не как краевед и не как географ, а как *филолог* — то есть рассмотрел пушкинскую формулировку не в контексте крымской гидронимии, а в контексте поэтической фразеологии эпохи. Это и позволило ему увидеть в соответствующих пушкинских текстах не фактическую неточность и не отражение особенностей местного словоупотребления, а поэтический прием, метонимическое обозначение (опирающееся на европейскую традицию и вполне обычное для эпохи) не Бахчисарая,

²⁵ *Набоков В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. под ред. Н. М. Жутовской. СПб., 1998. С. 213. Ср.: Eugene Oegin, A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin: In 4 vol. / Translated from the Russian, with a Commentary, by Vladimir Nabokov. New York, 1964. Vol. 2. P. 212.

²⁶ Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Материалы к энциклопедии: В 2 ч. / Науч. ред. М. В. Строганов. Тверь, 2002. Ч. 1. С. 33.

²⁷ Там же. С. 35. Следует, однако, заметить, что в статье «Салгир» Строганов роняет замечание, которое ставит под сомнение его предыдущие соображения и неожиданно сближает его с Винокуром: «Впрочем, современники П<ушкина> постоянно вспоминают Салгир при всяком обращении к Крыму» (Там же. Ч. 2. С. 146).

²⁸ *Проскурин О. А.* Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999. С. 276–277 (в связи с прилагательным «Александрыйский» в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»).

а Крыма.²⁹ Выводы Винокура имеют как конкретно-прикладное, так и общеметодологическое значение; они важны не только для понимания трех пушкинских текстов, но и для понимания истории русской поэтической фразеологии.

* * *

Наконец, третья заметка, уже не связанная непосредственно с южными поэмами, представляет собой блестящий пример находки, стимулированной довольно нелепым академическим заблуждением. Источник пушкинской шутки, казалось бы лежащий на поверхности, тем не менее не был выявлен в течение почти семидесяти лет, прошедших со времени создания заметки Винокура. Аллюзии на героиню крыловской комедии не распознаны и не отмечены ни в одном из комментированных изданий писем Пушкина, появившихся с той поры, — ни в малом академическом Собрании сочинений Пушкина под редакцией Б. В. Томашевского, ни в десятитомном Собрании сочинений Пушкина, выпущенном издательством «Художественная литература», ни в англоязычном трехтомном издании писем Пушкина в переводе и под редакцией Дж. Т. Шоу (1963), ни в двухтомнике «Переписка А. С. Пушкина» (1982).³⁰ Таким образом, заметка Винокура по сей день сохраняет всю свежесть, новизну и значимость научного открытия.

Но и она, при всем своем частном и конкретном характере, выводит читателя к целому спектру проблем, актуальных для современного исследователя: это и культура остроумия в пушкинскую эпоху, и круг чтения Пушкина и его современников, и роль жанра комедии как генератора цитатного фонда в культурном обиходе первой трети XIX в. (перифразируя «Урок дочкам» в письме к Вязем-

²⁹ Ср. в этой связи формулировку исследовательницы: «В <...> ряду ходовых поэтизмов пушкинского времени стоит и сочетание *на брег (берег), брега (берега) чего, на брегах (берегах) чего*, употребляемое метонимически для обозначения страны, города, пространства, расположенного на этих берегах» (Григорьева А. Д. Поэтическая фразеология Пушкина // Поэтическая фразеология Пушкина / Отв. ред. В. Д. Левин. М., 1969. С. 50; на с. 50–51 — ряд примеров, в том числе и с «брегами Салгира»). А. Д. Григорьева — ученица и сотрудница Г. О. Винокура (как и В. Д. Левин). Можно поэтому смело утверждать, что составленный Григорьевой каталог перифраз базируется на идеях Винокура.

³⁰ На то, что в письме Пушкина Вяземскому цитируется «Урок дочкам», указал Б. В. Томашевский в примечании к своей книге (Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1. С. 249, примеч. 169), но без раскрытия контекста цитаты и без каких-либо специальных пояснений. Именно поэтому, надо думать, его наблюдение не вошло в научный обиход.

скому, который относился к Крылову с острой неприязнью, Пушкин тем не менее не сомневался, что его адресат без труда распознает аллюзию на крыловскую комедию), и, наконец, живой интерес к лингвистическим спорам начала XIX века в 1820-х гг.

Текст заметок Г. О. Винокура печатается с сохранением авторских особенностей правописания и оформления материала (в том числе библиографических ссылок). Исправления и рукописные (чернильные) вставки в машинописный текст специально не оговариваются. Исключение сделано для одного неотделанного примечания, набросанного карандашом на полях первой заметки.

Г. О. ВИНОКУР ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К ПУШКИНУ

1. ХРАМ ДИАНЫ

Предание о храме Дианы в Тавриде и связанный с ним миф об Ифигении, Оресте и Пиларе послужили Пушкину мотивом для известного послания к Чаадаеву:

К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм

и т. д. Известны затруднения, связанные с датировкой этого стихотворения. Сам Пушкин печатно указывал, что оно написано в 1820 г. в Крыму. Это указание находим как при первой публикации стихотворения в 1825 г. в «Северной пчеле», № 12, так и при последующих его перепечатках в «Стихотворениях Александра Пушкина» 1826 и 1829 г. Помимо того, в «Отрывке из письма к Д.», т. е. к Дельвигу, напечатанном в «Северных цветах на 1826 г.» и воспроизведенном в качестве приложения к третьему (1830) и четвертому (1835) изданиям «Бахчисарайского фонтана», Пушкин писал: «Тут же видел я и баснословные развалины храма Дианы. Видно мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических; по крайней мере тут посетили меня рифмы. Я думал стихами. Вот они». Далее следует полностью текст занимающего нас стихотворения (в четвертом издании «Бахчисарайского фонтана» он опущен). Таким образом, Пушкин шесть раз печатно заявил, что написал свое стихотворение в 1820 г. в Крыму.

Однако это заявление Пушкина невозможно согласовать с тем, что сохранившийся черновик этого стихотворения, как впервые установил Л. Н. Майков (см. его «Материалы для академического издания сочинений А. С. Пушкина», 1902, стр. 196—7), несомненно писан в 1824 г. в Михайловском. Черновик этот находится в записной тетради № 2396 (по нумерации Ленинской библиотеки в Москве <в действительности № 2369; ныне ПД 834>) между произведениями 1824 г., при чем исключена всякая мысль, будто Пушкин мог записывать что-либо в этой тетради уже в 1820 г. Противоречие между датировкой стихотворения по черновику и собственной датировкой Пушкина неустранимо. Вопрос лишь в том, чему в данном случае верить — черновику или заявлениям Пушкина. Большинство изданий сочинений Пушкина шло в этом отношении за Пушкиным.* Но можно с несомненностью доказать, что Пушкин в данном случае сообщал датировку заведомо неправильную.

Осенью 1823 г., в период подготовки «Бахчисарайского фонтана» к изданию (издание это осуществлял Вяземский в Москве), Пушкин заинтересовался дошедшими до него слухами о новой книге И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» (СПб., 1823). 4 ноября 1823 г. Пушкин писал Вяземскому с просьбой выписать что-либо «посноснее» из этой книги в качестве приложения к изданию «Бахчисарайского фонтана», что, как мы знаем, и было сделано Вяземским. Но сам Пушкин познакомился с книгой Муравьева только год спустя. В начале ноября 1824 г. Пушкин писал брату Льву из Михайловского, прося прислать ему эту книгу. То, что Пушкин не знал этой книги, пока был в Одессе, и, следовательно, узнал ее только в Михайловском, косвенно доказывается следующим местом из «Отрывка из письма к Д.»: «Что касается до памятника ханской любовницы, о котором говорит М. (т. е. Муравьев-Апостол), я об нем не вспомнил, когда писал свою поэму, а то бы непременно им воспользовался».

Содержательная, интересно написанная книга Муравьева-Апостола не могла не оживить в памяти Пушкина его крымские впечатления. В частности, должны были обратить на себя внимание Пушкина те страницы книги, которые содержат пространное опровержение мнения, согласно которому развалины какого-то строения по соседству с Георгиевским монастырем представляют собой остатки храма Дианы, упоминаемого античными писателями. По этому

* Ак. II. 330 пр. «Мы можем сказать только, что послание к Ч., созданное в 1820 г., было отделано окончательно в 1824 г.». Но рукопись — черновая, первоначальная. (Примечание вписано карандашом на полях. — О. П.)

поводу Муравьев-Апостол особенно настойчиво полемизирует с державшимся этого мнения знаменитым ученым путешественником Палласом, доказывая, что местоположение развалин, вопреки Палласу, вовсе не сходится с тем, что говорят об этом древние. Особенно подробно оспаривает Муравьев-Апостол право Палласа ссылаться в этом вопросе на Страбона. На стр. 92 книги Муравьева читаем: «Всей этой запутанности причиною, кажется мне, название мыса *Девиным* и *Капище* на оном *некоего божества*. Всякой человек с пылким воображением, с начитанностию, невольно нападает на мысль о Ифигении, когда речь пойдет о *Капище некоего божества Девы в Тавриде*; так точно и Паллас завлечен был; и что всего удивительнее, самим Стравоном, у которого и в помышлении не было говорить о дочери Агамемноновой».

Легко можно представить себе, что эти трезвые рассуждения Муравьева, противопоставляемые им пылкому воображению увлеченного Палласа, могли послужить для Пушкина толчком к своеобразной поэтической отповеди скептическим выкладкам ученого автора. Именно этот смысл и имеют начальные слова послания к Чаадаеву:

К чему *холодные сомненья?*
Я верю: здесь был грозный храм,

которые, вне соотнесения с каким-либо фактическим выражением сомнения в истинности легенды, оставались бы совершенно непонятными. Зная, что в конце 1824 г. Пушкин читал книгу Муравьева, и что примерно в это же время писался черновик послания Чаадаеву, с несомненностью приходим к выводу, что внешним поводом для послания была именно эта книга, и что собственная пушкинская датировка послания 1820 годом, с нарочитой пометой: «С морского берега Тавриды», есть не что иное, как литературная мистификация, продиктованная Пушкину самым замыслом его стихотворения.

Необходимо исправить также традиционное понимание «Отрывка из письма к Д.» как *частного* письма Пушкина к Дельвигу, понимание, мешавшее признать в пушкинской датировке литературный прием. Дело в том, что это не «простое», а именно *литературное* письмо, литературное произведение, написанное в ответ на прямой заказ Дельвига прислать что-нибудь для «Северных цветов». Именно, 10 сентября 1824 г. Дельвиг писал Пушкину: «Да нет ли, брат, у тебя какой прозы, удобо-пропускаемой цензурою? Пришли, коли есть». Интересно, что за исполнение просьбы Пушкин принялся только в декабре, т. е. уже после получения книги Мура-

вьева от брата. Ясно, что эта книга, как раз и упоминаемая в «Отрывке», была толчком для создания не только послания к Чаадаеву, но и «Отрывка».

Изложенные соображения, явившиеся результатом занятий историей текста «Бахчисарайского фонтана», были признаны достаточно вескими редакцией нового академического юбилейного собрания сочинений Пушкина, что и отразилось в композиции VIII т. означенного издания, где «Отрывок из письма к Д.» помещен в качестве самостоятельного литературного произведения Пушкина. Новое толкование послания к Чаадаеву нашло себе отражение также в т. I сочинений Пушкина, изданных издательством Academia в 1936 г. (см. стр. 735). В предшествовавшем издании 1935 г. это стихотворение помещено еще под 1820 г. (т. I, стр. 306).

Добавлю еще, что строчки послания:

На сих развалинах свершилось
Святое дружбы торжество

близко напоминают соответствующее место об Оресте и Пиладе в поэме Боброва «Таврида», которую, как известно, Пушкин внимательно читал во время работы над «Бахчисарайским фонтаном», т. е. позднее 1820 года. Именно, у Боброва читаем:

Я здесь хочу поведать вам,
Какое дружбы торжество
Единожды в сем страшном храме
Открылось от ведомых к жертве.

2. БЕРЕГА САЛГИРА

Это выражение встречается у Пушкина несколько раз, именно в черновой редакции стихотворения «Кто видел край» (1821):

Приду ли вновь, поклонник Муз и мира,
Забыв Молву и света суеты,
На берегах веселого Салгира
Вспоминать души моей мечты;

далее в эпилоге «Бахчисарайского фонтана» (прообразом этого эпилога несомненно и является упомянутое стихотворение):

О скоро вас увижу вновь
Брега веселого Салгира;

в строфе LVII первой главы «Евгения Онегина» героини «Бахчисарайского фонтана» названы «пленницами берегов Салгира». В литературе о Пушкине выражение «берега Салгира» порождало недоумения. А. Бертье-Делагард в обстоятельной статье «Память о Пушкине в Гурзуфе» (Пушкин и его современники, в. XVII—XVIII, стр. 114—115), основываясь на том, что Пушкин, судя по всем данным, не останавливался в Симферополе, писал, что в указанном выражении нельзя понимать Салгир как название речки, протекающей в этом городе. Сам Бертье-Делагард склонялся толковать это слово у Пушкина как нарицательное, означающее вообще горную речку или сухоречье, а потому считал, что пушкинский Салгир означает горный поток, протекающий через Гурзуф. Мнение это было поддержано Б. Л. Недзельским (Пушкин в Крыму 1929, стр. 53—54), по словам которого «именем Салгира среди русского населения в Крыму называется не только река, протекающая через Симферополь, но и вообще крымские реки и сухоречья».

На деле же выражение «берега Салгира» означает просто Крым и представляет собой традиционную литературную привычку, связанную с общим для европейских литератур известного времени обычаем описательно называть страну или город по имени соответствующей реки, т. е. точно так, например, как «брега Невы» для Пушкина означали Петербург. В этом убеждает множество параллелей, которые можно привести к выражению «брега Салгира» из различных русских литературных памятников конца XVIII и начала XIX века. Приведу некоторые.

В книге Павла Сумарокова «Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду» (СПб. 1803, ч. I, стр. 14) читаем: «Итак, прощай прелестный град, я в мирную Тавриду еду, прощай горделивая Нева, я на берега Салгира быстрого переселяюсь». В поэме Боброва «Таврида» (1798) и ее более поздней переделке «Херсониды» (1804) это выражение встречается постоянно, например:

Благотворящая природа,
Котора на хребтах высоких,
На мшистых берегах Салгира...

или:

Но что оратай ощущает
Живущий на берегах Салгира...

Ср. «Салгирски берега тенисты», «дубы при берегах Салгира» и пр., при чем во всех этих местах речь идет не о каком-нибудь отдельном населенном пункте Крыма, а о Крыме вообще.

Особенно любопытно в данном отношении сочинение Владимира Измайлова «Путешествие в полуденную Россию» (1800, второе изд. 1802), в котором речь идет действительно о Салгире, протекающем через Сиферополь, но которое особенно наглядно показывает, каким образом эта речка могла, в соответствующей литературной традиции, превратиться в обобщенный поэтический символ Крыма вообще. В этом путешествии рассказывается чувствительная история Нового Вертера, симферопольского юноши, покончившего с собой из-за любви, причем постоянным фоном для отдельных деталей этого события служит Салгир, который именуется «томным», «тихим», «журчащим», и сравнивается с водопадом Воклюз на юге Франции, воспетым Петrarкой и приобретшим во французской литературе значение символического ключа поэтов и влюбленных. Цитируя одного из французских поэтов, упоминающего именно в этом качестве Воклюз, Измайлов пишет: «И у нас есть сие сладкое убежище, и у нас есть свой Воклюз, и у нас виды Салгира питали страсть двух нежных любовников.

Ключи Воклюза и Сальгира!
Вы милы для сердец чувствительных равно».

Вопреки мнению В. Я. Брюсова (Пушкин под ред. Венгерова. II, 99), Гераков в своих «Путевых записках» (1828, стр. 131), иронизируя над «плаксивыми путешественниками», прославившими Салгир, имеет в виду не Пушкина, а именно Измайлова.

К означенной традиции несомненно восходит и упоминание Салгира в «Элегии» Василия Туманского (1823):

Как звонкое журчание Салгира,
Как шопот миртов на горах,
Как шум лады, бегущей на волнах,
Приятен мне твой голос, лира!

Традиция эта отразилась и у Мицкевича. В его сонете «Piełgzum» между прочим читаем:

Litwo! piały mi wdzięczniej tve szumiące lasy
Niż słowiki Bajdaru, Salthiry dziewice,

т. е.: «Литва! <твой> шумящие леса мне пели красивее, чем соловьи Байдара, девы Салгира».

Таким образом, в языке Пушкина выражение «берега Салгира» представляет собой не что иное, как своего рода поэтическое клише, в котором напрасно было бы искать каких-нибудь реальных топографических указаний.

3. НЯНЯ ВАСИЛИСА

В письме к Вяземскому 14–15 августа 1825 г. Пушкин писал: «Мой милый, поэзия твой родной язык, слышно по выговору, но кто ж виноват, что ты столь же редко говоришь на нем, как дамы 1807-го года на славяно-росском. И нет над тобою как бы некоего Шишкова, или Сергея Глинки, или иной няни Василисы, чтоб на тебя прикрикнуть: извольте де браниться в рифмах, извольте жаловаться в стихах».

Не трудно догадаться, что речь здесь идет об эпохе крайней галломании, охватившей русское общество после Тильзитского мира и вызывавшей против себя протесты со стороны патриотического лагеря. Так это письмо и объясняется, например, в комментариях Б. Л. Модзалевского (см. Письма I, 498). Но как у Модзалевского, так и у других комментаторов Пушкина, до сих пор остается неразъясненным то, что больше всего нуждается в разъяснении в приведенном письме, именно — что означает здесь «няня Василиса»?

Станным образом никто не обратил внимания, что речь здесь идет о действующем лице известной комедии Крылова «Урок дочкам», впервые представленной как раз в 1807 г., 18 июня (П. Арапов, Летопись русского театра 1861, стр. 181). В том же году комедия появилась и в печати. В комедии Крылова няня Василиса преимущественно занимается тем, что неотступно присутствует при беседах двух дочерей ненавистника французской речи Велькарова, Феклы и Лукерья, и по приказу его решительно препятствует попыткам двух модных барышень говорить между собой по-французски. Например, в явлении третьем читаем:

Лукерья. Eh bien, ma sœur... *Н. Василиса.* Матушка, Лукерья Ивановна, извольте говорить по-русски: батюшка гневаться будет! *Лукерья.* Чтоб тебе оглохнуть, няня Василиса!

В следующей реплике Лукерья снова сбивается на французскую речь: «Ах! я так зла, что задыхаюсь от бешенства, так зла, так зла, что... ah si jamais je suis...» Но няня Василиса тут как тут: «Матушка, Лукерья Ивановна, извольте гневаться по-русски!» Та же игра продолжается и дальше. Репликой Василисы: «Матушки барышни, извольте кручиниться по-русски» заканчивается и вся комедия.

Пушкин с исключительным остроумием пародирует в своем письме к Вяземскому этот вечный припев крыловской няни Василисы, призывая своего друга «браниться в рифмах», «жаловаться в стихах». То же блестящее остроумие Пушкина сказалось и в приравнивании к няне Василисе Шишкова и Глинки. Вообще это письмо Пушкина лишней раз свидетельствует о том, как остро воспринимал Пушкин литературную современность, даже и в таких ее фактах, которые он мог познавать только ретроспективно — ведь в 1807 г. Пушкину было всего восемь лет.

Отмечу совершенно курьезный комментарий к приведенному письму Пушкина, попавшийся мне на глаза в книге А. А. Кочубинского «Начальные годы русского славяноведения», Одесса 1887—1888, стр. 26 (сноска) и своей курьезностью, собственно, побудивший меня вникнуть в истинный смысл слов Пушкина. Именно, Кочубинский писал: «По словам Пушкина, и дамы лагеря Шишкова говорили на славяно-русском языке». Вот образчик поистине изумительного искусства читать текст: правда, по Пушкину, шишковские дамы говорили на славяно-русском языке «редко», но значит, всё же говорили на нем!

1. V. 45.
Москва.

Г. Винокур